

О НЕКОТОРЫХ ВТОРИЧНЫХ ФУНКЦИЯХ ТЕРМИНОВ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПО ВЕРТИКАЛИ

(На материале норвежского языка)

Цель данной статьи – описать некоторые периферийные, или вторичные, функции терминов вертикальной локализации в норвежском языке. Локализм, т.е. тенденция использовать формы отражения пространственных характеристик для передачи иных значений, не является специфичным для норвежского языка.¹ Специфичным оказывается то, какие именно термины могут служить для передачи непространственных значений и какие именно значения оказываются важными в картине мира носителей норвежского языка.

Универсальным способом деления пространства признается его трехчленная по вертикали и четырехчленная в горизонтальном срезе структура, основывающаяся на природно-биологических параметрах человека; на эти параметры накладывалось движение солнца, маркировавшее изначально лишь два дихотомических элемента: восток = южная полусфера – запад = северная полусфера.²

Эти базовые характеристики пространства в естественном языке могут задаваться двояко: «в терминах геометрического (объективированного) пространства» и «в терминах относительного пространства (по Лейбницу)», определяемого порядком сосуществования в нем вещей.³

Некоторые исследователи выделяют не два, а три типа подсистем внутри системы передачи пространственных отношений: 1) относительную (relative), точкой отсчета в которой выступают участники речевого акта (лево – право, впереди – сзади), 2) объективную (intrinsic), где точкой отсчета служит рельеф земной поверхности (вглубь, к берегу, в горы), 3) абсолютную (absolute) – ориентированную на объекты, находящиеся вне дискурсивного пространства (отдаленные крупные ориентиры, стороны света). При этом отмечают первичность объективных подсистем для описания чисто пространственных отношений, и большую распространенность использования терминов относительных подсистем при переносе механизма описания пространственных отношений на иные сферы.⁴

Мы рассмотрим термины вертикальной локализации пространства в функции обозначения ими пространственных отношений в горизонтальной плоскости, выделив три сферы применения рассматриваемых терминов в данной функции, на основании различного их поведения в рамках следующих сфер: 1) макрогеографическую (описывающую взаиморасположение в пространстве частей Норвегии, а также Норвегии и других стран), 2) микрогеографическую (отражающую взаиморасположение районов городов и поселков) и 3) сферу жилища вместе с окружающим его и мыслимым как неотчуждаемое от него пространством.

Ориентация по сторонам света касается прежде всего первой из указанных сфер. Типологически она соотносится с двумя системами. Одна система – привычная нам и неоднократно описанная четырехчленная по сторонам света, в ней пространство описывается в терминах nord ‘север’ – syd/sør (разница в семантике этих слов в данной связи нерелевантна) ‘юг’, øst ‘восток’ – vest ‘запад’. Ее можно отнести к абсолютным.⁵

Вторая же система двучленна и представлена парами наречий nede – ned (over) ‘внизу’ – ‘вниз’ и oppe – opp (over) ‘вверху’ – ‘вверх’ (и производными от них), причем первая пара соответствует приблизительно южному направлению, вторая – северному.⁶

Такая ситуация не уникальна. Как указывал М.М. Маковский, «пространство в древнем сознании мыслилось в рамках дихотомических категорий (центр – периферия, верх – низ, правый – левый) и в космическом плане (небо – земля, юг – север, день – ночь)».⁷ Мы говорим «приблизительно», поскольку они отражают не реальное географическое положение функциональных пространственных ориентиров,⁸ а их расположение относительно наблюдателя, находящегося в Норвегии, который и являет собой центр. Таким образом, эта система оказывается связанной с противопоставлением «центр – периферия» и антропоцентрической, т.е. относительной, а не абсолютной.

Если признать последнюю исконной, то относительную систему ориентации по сторонам света, представленную в норвежском языке дихотомией opp – ned ‘вверх – вниз’, следует считать более древней. Она глубоко укоренилась в сознании, воспринимается как нечто само собой разумеющееся и потому труднее поддается анализу.

Эта система используется для обозначения двух типов пространственных отношений в рамках макрогеографической сферы. Во-первых, по отношению к географическим районам внутри Норвегии ned (over) ‘вниз’ указывает на юг, а opp (over) ‘вверх’ – на север: Vjørn spurte hvor de skulle kjøre? AG sa at han ikke visste helt nøyaktig, men oppover i landet

et sted, langt bort (DSF, 131) 'Бьёрн спросил, куда ехать? АГ сказал, что точно не знает, но куда-нибудь **на север** (букв. *вверх по стране*), далеко-далеко'.

Во-вторых, те же обозначения используются и применительно к географическим объектам вне Скандинавии. Под орре в значении 'север' в этом смысле чаще всего понимается Норвегия, иногда вся Скандинавия. Все прочее – чаще всего юг: Det var ikke det jeg hadde i tankene da jeg dro ned (КК 7). 'Вовсе не то мне представлялось, когда я ехала **на юг** (букв. *вниз*, речь идет о Канарских островах)'; Bli det bryllup, kommer jeg til å gifte meg **der nede** (HJ) 'Если мы поженимся, то свадьбу будем справлять у них **на юге** (букв. *там внизу*, речь идет об Африке)'; En rekke vanvittig anerkjente og toneangivende engelske musikkblader har forvillet seg **opp til** vår vanstyrte hovedstad (MB) 'Ряд безумно признанных и задающих тон английских музыкальных изданий нечаянно забрел **на север** (букв. *вверх в*), в нашу плохоуправляемую столицу'; Jazid og andre små, mørke lokaler blir også godkjent av de britiske trendkonstablene, som synes det er forfriskende eksotisk **her opp i** gokk (MB) 'Ясид и прочие темные зальчики тоже признаны британскими блюстителами моды, которым кажется, что все здесь, **в северном** (букв. *наверху в*) захолустье, освежающе экзотично'.

Однако не встретилось ни одного употребления терминов этой подсистемы по отношению, например, к Северной Америке; все же этот континент довольно поздно вошел в сознание европейцев, и по отношению к нему пользуются терминологией более новой, четверичной системы пространственной локализации.⁹

Омонимичность терминов пространственной ориентации в рамках абсолютной системы локализации (в соответствии с общепринятым порядком изображения географических объектов на картах) наречиям первичной вертикальной локализации (поскольку это не настоящая карта) создает предпосылки для художественного их обыгрывания. Так, в следующем примере речь идет не о карте, а о пятнах краски на борту корабля: En stor, avlang flekk, en mindre til venstre. Og en massiv en til høyre for det. Det likner et kart. England i midten, Irland til venstre, kontinentet til høyre. Norge – øverst **oppe** mot den kvite rekka (LL, 8) 'Большое продолговатое пятно, еще одно поменьше слева. И массивное – справа от него. Похоже на карту. Англия посередине, Ирландия слева, континент справа. Норвегия – **на самом севере** = **на самом веру** (букв. *выше всего*), у белого поручня'.

Нередко в одном и том же высказывании вместе употреблены термин локализации по вертикали и название стороны света; в таком случае первое градуирует удаленность объекта от точки отсчета; в данном случае – от центра, мыслимого в Европе: *Her høyt mot nord, i den mørke vinter, kaldt, i en moderne hovedstad i et høyteknologisk rikt land mot slutten av det 20. århundre, tenkte han (DSA, 12) 'здесь, далеко (букв. высоко) на севере, темной зимой, на холоде, в современной столице богатой высококоразвитой страны, в конце XX столетия, – думал он'*.

Интересной представляется возможность описания говорящим одной и той же ситуации в терминах разных систем. В следующем отрывке рассказывается о переезде норвежской семьи на жительство в Испанию: *Meningen var å ta et friår, sier Helle Moe. Vi leide ut huset og dro nedover for å oppleve noe sammen med ungene (KK 7) 'Мы собирались отдохнуть год, – говорит Хелле Му. Мы сдали дом и поехали на юг (букв. вниз), чтобы вместе с ребятами провести это время'*. В документальном репортаже, опубликованном женским журналом, постоянно подчеркивается необычность такого решения, решительность, потребовавшаяся переселенцам, чтобы вместе с детьми сорваться с насиженного места и отправиться так далеко от родной деревни.

Практически та же ситуация описывается в солидной газете «Дагбладет». Речь идет о переезде семьи высокообразованного и много путешествовавшего специалиста в ту же Испанию: *Huset er leid ut og bilen solgt. Med sluttpakke fra Saga i lomma tar han med familien til Spania og starter aksjehandel på Internett (DB) 'Дом сдан внаем и автомобиль продан. С выходным пособием компании Saga в кармане он с семьей отправляется в Испанию и начинает заниматься торговлей акциями через интернет'*. Для героя репортажа ничего необычного поездка в Испанию собою не являет, а журналисты лишь сообщают информацию, не пытаясь играть на чувствах читателей.

Картину, складывающуюся на основании анализа примеров из литературы, подтверждают и данные информантов. Так, продавщицы универсама селения Бё в норвежской глубинке спрашивали: *Nå, skal du ned til Russland? Skal du ned til St. Petersburg? (TB) 'Ага, так ты собираешься аж в (букв. вниз в) Россию? Поедешь в самый (букв. вниз в) С.-Петербург?'*

Сама же информантка утверждает, что не стала бы употреблять наречий в этих предложениях. Кроме того, Петербург расположен не южнее Бё, а даже несколько севернее, хотя по сравнению с расстоянием

между этими пунктами по оси запад – восток этой разницей можно было бы пренебречь.

В приведенных примерах речь идет об одном и том же фактическом расстоянии. Нельзя не согласиться с тем, что «для относительной пространственной модели характерна незначимость абсолютного расстояния».¹⁰

Один и тот же географический объект в следующем примере описывается в терминах и абсолютной, и относительной систем: *Det har ingen hensikt å argumentere med at fly er det sikreste fremkomstmiddel, og at det er minimale farer forbundet med en pakketur til Syden. Hun vil være engstelig. Som nå: Dere dro jo nedover ifjor også. – Vi drar hvert år, mor. – Det er så langt unna (KFB, 9) ‘Бессмысленно доказывать, что самолет – самое надежное транспортное средство и что групповой тур на юг связан с минимумом риска. Ей необходимо поволноваться. Вот и теперь: – Вы же ездили на юг (букв. вниз) и в прошлом году тоже. – Мы ездим туда каждый год, мама. – Это так далеко’.* Вместо употребленного привычным к поездкам сыном прямого выражения *til Syden* ‘на юг’ мать употребляет квазисинонимичное *nedover* ‘вниз’, одновременно указывающее на географическое расположение объекта поездки и на его большую удаленность (в ее восприятии).

Таким образом, если объект воспринимается как дальний и чуждый, говорящий прибегает к использованию наречий *ned/nede/nedover* или *opp/oppe/oppover*; при отсутствии таких коннотаций вполне обходятся и без них.

Как и при обозначении ориентации по сторонам света, для описания микрогеографии городов используется две системы. В обеих на первый план выходит противопоставление «центр – периферия». Нередко оно выражается эксплицитно, при помощи лексики, вполне соответствующей подобному словоупотреблению в русском языке: *I utkanten av den sørlige delen av Kairo ligger et av millionbyens mange fattige områder (KK 44) ‘На окраине южной части Каира располагается один из многочисленных бедняцких районов’.* Такое словоупотребление свидетельствует о наличии объективной системы описания взаиморасположения микрогеографических объектов.

Однако по отношению к обозначению микрогеографии населенных пунктов в норвежском языке за *ned/nede* и *opp/oppe* закрепились иные значения, чем в контексте макрогеографической ориентации. Первое связывается с обозначением центра, второе – окраин, например: *Det fins to Akademikaer, én nede i byen og én oppe på Blindern (TB) ‘Есть два магази-*

на «Академика», один в центре (букв. *внизу в городе*), и один на Блиндерн (букв. *наверху на Блиндерн*, отдаленном районе Осло)?

Использованные термины можно считать неполными синонимами соответствующих существительных, которые могут обозначать центр и периферию, в рамках объективной системы (для данного населенного пункта). Разница между существительными и наречиями состоит главным образом в том, что последние легче поддаются градуированию и тем самым служат для более точного местоуказания.

Использование упомянутых наречий для описания микрогеографических отношений настолько естественно для норвежцев, что даже для тех из них, кто свободно владеет русским языком, их употребление в русской речи является весьма распространенной ошибкой. Находящийся у Невы на Васильевском острове информант (FN) так справлялся о местонахождении магазина:

«А где это? **Выше Среднего?**» Он хотел спросить, дальше ли Среднего проспекта, если идти от центра. В другой раз он интересовался: «А больница где на Литейном? На левой стороне, если идти **вниз?**» (к Невскому, т.е. к центру).

И для этой сферы обозначений свойственна возможность использования одних и тех же первичных форм выражения пространственных отношений (а именно наречий *ned/nede* ‘*вниз/внизу*’ – *opp/oppe* ‘*вверх/вверху*’, а также производных от них) в их основной и вторичной функциях в одних и тех же видах конструкций. Лишь широкий контекст позволяет понять, какое же значение наречие имеет в высказывании.¹¹

В текстах, где есть указания на рельеф местности, означенные наречия воспринимаются в прямом значении: *Jeg glemmer å vatne plantene, låser døra og går bakkene ned mot byen* (LL, 31) ‘Я забываю полить растения, запираю дверь и спускаюсь по склонам **вниз** в сторону города’; *Ofte kom jeg ikke lenger enn portvakta, men denne dagen vinket han meg bare gjennom til støperiet som lå innerst på området, helt nede ved fjorden* (НН, 16) ‘Часто дальше охранника на входе я не проходила, но в этот день он только рукой показал, чтобы я шла к литейному цеху, который располагался в самой глубине участка, **внизу** у самого **фьорда** (букв. *совсем внизу у фьорда*)’.

И, напротив, в предложении *Det siste vi gjorde, var å måke opp veien gjennom hagen ned til postkassa* (НН, 131) ‘Последнее, что мы сделали, так это расчистили от снега дорогу через сад **до самого** (букв. *вниз до*) почтового ящика’ возможно двоякое прочтение. Первое – ‘вниз до почтового ящика’, если представить себе дом стоящим на возвышении. Од-

нако естественнее будет понять наречие *ned* как указание на отдаленность от исходного положения говорящего, а именно жилища, мыслимого как составная часть населенного пункта. Такую же функцию выполняет это наречие и в следующих примерах: *Jeg bodde på en helt annen kant av byen... og likevel gikk jeg ved sida av ham helt ned til den vesle parken foran stasjonsbygningen* (НН, 12) 'Я жила совсем в другом конце города... и все-таки я шла рядом с ним до самого (букв. *совсем вниз до*) маленького парка перед зданием станции'.

Словосочетание *huset nederst i gaten* в словаре NEO толкуется как 'дом в конце (букв. *в самом низу*) улицы' (чаще же всего рассматриваемые в статье значения в словарях вообще не отражаются).

В следующем тексте действие происходит в деревне. Зять-тиран, переезжая от ненавистной тещи на другое место в той же деревне, говорит: *Og husk én ting; du viser deg ikke hos oss. Hvis jeg får høre at du flyr ned dørene hos oss... skal jeg klare å gjøre det så hett for deg at helvete blir rene vinterkulden!* (НН) 'И запомни одно: к нам не показывайся. Если я услышу, что ты таскаешься к нашему дому (букв. *гоняешься вниз к нашим дверям*), то тебе так жарко будет, что ад покажется морозной зимой, я уж постараюсь'. Зять особо подчеркивает, что не хочет иметь с тещей ничего общего. Еще пример: *Jeg tar med Kjersti, vi er nyforelska, vi kommer nedom deg om en time.* (LL, 124) 'Я беру с собой Хьерсти, мы влюблены, мы будем у тебя (букв. *придем вниз к тебе*) через час'. Как видим, в переводе последних двух примеров значение наречий *ned(om)* 'вниз' не передано никак.¹² Норвежский текст однозначно дает понять, что речь идет о движении от говорящего в сторону объекта, мыслимого как отдаленный, однако эта информация не является здесь основной.

Таким образом, в сфере микрогеографии слова первичной вертикальной ориентации *ned/nede* и *opp/oppe* могут либо указывать на вертикальное расположение объектов относительно друг друга по вертикали, согласно своему прямому значению, либо выступать во вторичной функции обозначения удаленности по горизонтали в рамках объективной и относительной систем (при иррелевантности высотных характеристик и акцентировании личностного отношения к сообщаемому).

Наиболее запутанную картину представляет собой система вторичных значений *ned/nede* и *opp/oppe* и их производных *nederst* и *øverst* применительно к описанию местоположения внутри и в непосредственной близости жилища. В переводных норвежско-иноязычных словарях, например норвежско-английском (NEO), указываются, и весьма подробно, все оттенки их прямых значений, практически совпадающие с теми,

что выражают русские наречия *внизу* и *наверху*. Из переносных же сообщается лишь в значительной мере устаревшее *øverst ved bordet* ‘во главе стола’ (букв. *выше всех за столом*). Приблизительно то же находим и в других двуязычных словарях (норвежско-русском, норвежско-немецком, русско-норвежском).

Между тем уже на 1-м курсе студент-норвегист, читая первый текст по аналитике, встречается с предложением: *Lille Marius satt på næst nederste benk litt krum i ryggen* (KG, 171) ‘Малыш Мариус, немного сутулясь, сидел за (букв.) **предпоследней по высоте** партой’. Поскольку речь не идет об амфитеатре, такой перевод не годится. К этому примеру мы вернемся чуть позже.

Не годятся предлагаемые словарями эквиваленты и для перевода следующего отрывка: *På Café In The Mood hadde de allerede satt hvitmalte småbord og stoler ut på fortauet. De to hadde satt seg ute, ved det øverste bordet, et stilig par fullstendig opptatt av sin livlige samtale* (KFB, 193) ‘В кафе *In The Mood* уже выставили на тротуар покрашенные в белое столики и стулья. Эти двое сели снаружи, за самый дальний (букв. *верхний*) столик – модно одетая пара, полностью поглощенная оживленной беседой’.

Анализ собранного нами материала и опросы информантов позволяют выстроить следующую картину вторичных значений для *oppe/øverst*:

- 1) внутри помещения – на отдалении от входа или от говорящего;
- 2) в помещении за столом (современное употребление) – на отдалении от говорящего;
- 3) в помещении за столом (устаревшее) – на самом почетном месте (которое располагалось дальше всего от входа, от внезапного нападения);
- 4) в учебном помещении – ближе всего к преподавателю (почетное место в Норвегии);
- 5) вне здания на относящейся к нему территории – на отдалении от входа (если территория мыслится отдельно от здания, местоположение объектов на ней фиксируется уже в рамках систем, принятых в сфере микрогеографии).

Соответствующая структура значений, но с обратным знаком, характерна и для *nede/nederst*.

Значения 3 и 4 дважды переносные: по происхождению они являются терминами пространственной ориентации, исходно по вертикали, затем по горизонтали; сейчас же они указывают на различия по статусу.

Вторичные же значения рассматриваемых слов, связанные с локализацией в горизонтальной плоскости, относятся к двум разным подсистемам: объективной (знач. 5), относительной (знач. 2) и в зависимости от контекста – либо объективной, либо относительной (знач. 1). Даже самый полный толковый словарь норвежского языка (NR) дает только оттенки знач. 1 (на отдалении от входа) и знач. 4.

Возвращаясь к примеру о малыше Мариусе, мы можем теперь понять, что он не был примерным учеником: он сидел за предпоследней партой.

Таким образом, выясняется, что в рамках одного языка могут одновременно сосуществовать разные системы выражения пространственных отношений. Это подтверждает тезис историка Подосинова о сосуществовании разных систем ориентации у одного и того же народа.

Обобщая данные анализа терминов пространственной ориентации во всех трех сферах, можно говорить о сосуществовании разных систем ориентации в рамках одной и той же сферы:

в макрогеографической сфере – абсолютной и относительной систем, где оппозиция *ned* – *opp* представляет последнюю;

в микрогеографической сфере – объективной и относительной систем, где снова оппозиция *ned* – *opp* представляет относительную;

в сфере описания местоположения внутри и вокруг жилища термины оппозиции *ned* – *opp* представляют и объективную, и относительную системы в зависимости от избранной точки отсчета.

Заметно преобладание значений, связанных с относительной системой, где точкой отсчета служит либо сам говорящий, либо наблюдатель, т.е. человек. Взаимодействие человека с окружающей средой «всегда протекает в системе некоторых пространственных координат, точкой отсчета которой является человек – субъект восприятия, сознания, действия и познания»,¹³ и сфера субъекта в первую очередь противопоставлена сфере объекта.

Для человека как субъекта пространственной категоризации, по словам Ю.Д. Апресяна, «способ восприятия имеет приоритет перед действительным положением вещей».¹⁴ Важным для понимания предпосылок использования рассмотренных терминов в рамках той или иной системы представляется введенное процитированным исследователем понятие личной сферы говорящего, из которой объекты могут исключаться при помощи определенных языковых средств.¹⁵

Наречие *ned* ‘вниз’ в применении к описанию географического пространства служит в норвежском таким оператором, выводящим геогра-

фический объект за пределы личной сферы говорящего, делая возможным противопоставление референции одного и того же объекта в рамках нескольких систем пространственной локализации: абсолютной и объективной систем и системы относительной, антропоцентрической. То, что для лица с определенным культурным фоном представляется отдаленным, чуждым, не входящим в его личную сферу, отнюдь не является таковым для другого. Отчуждение при этом может мыслиться более чем чисто пространственное, как, например, в этом тексте, где речь идет об отношении косного отца невесты африканца к родине последнего: *Da jeg bestemte meg for å dra på besøk til Christofer, oppmuntret han meg faktisk. «Bare reis! Så får du se hvor støvete og ekle de menneskene der nede er», sa han.* (НН) 'Когда я решила поехать навестить Кристофера, он в общем-то сам подталкивал меня к этому. «Поезжай, поезжай! Посмотри, какие там, в южных краях (букв. там внизу), дремучие и мерзкие людишки», — говорил он'.

Данные норвежского языка подтверждают выводы, сделанные на базе русского материала: «существование в языке абсолютных и относительных оценок расстояния свидетельствует о релевантности (и даже фундаментальности) для описания пространства такого параметра, как человеческое измерение». ¹⁶

Спецификой норвежского языка для рассмотренных систем пространственной локализации оказывается нерелевантность противопоставления динамического и статического характеров взаимоотношения предмета и функционального ориентира, что обычно является чрезвычайно важным для описания подобных систем. ¹⁷

Далее, если сравнить рассмотренную оппозицию с русской семантической подсистемой «далеко — близко», увидим, что в последней параметр вертикальной организации объектов не используется. ¹⁸ Глубоко уважаемый автором И.А. Мельчук категорически не рекомендует лингвистам выходить за пределы собственно языка. ¹⁹ Тем не менее, кажется необычайно соблазнительным связать такую широту использования наречий со значением 'вверх' и 'вниз' в норвежском языке с особенностями рельефа страны. Свое словоупотребление информант FN обосновывал, например, тем, что в горной Норвегии центр поселения обычно располагается в защищенной долине.

О том, что языковые формы отражения пространственных отношений могут различаться у народов, обитающих в равнинной и горной местностях, предположение высказывалось. ²⁰ Попытки подобных объяснений делаются, в частности, в области семиотики и социальной антропо-

логии. Пример – недавно защищенная в Норвегии диссертация об осознании себя в физическом и материальном пространстве жителями тихоокеанских островов, в которой приводятся убедительные примеры параллелизма между физической географией атоллов и системой вторичных функций пространственных выражений.²¹

Традиционно в Норвегии занимаются экзотическими языками, не замечая особенностей собственного и не всегда умея объяснить их иностранцам, изучающим этот язык. Представляется, что исследование поля локативности в норвежском имело бы большое значение как для практических целей, так и для расширения представлений лингвистов о возможных типах организации пространственной информации вообще.

Примечания

¹ См.: *Кравченко А.В.* Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1996. Т 55. N 3. С. 3.

² См.: *Подосинов А.В.* Ex oriente lux!: Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. С. 629–634.

³ *Кравченко А.В.* Указ. соч. С. 5. См. также: *Бюлер К.* Теория языка. М., 1993. С. 94 и след.

⁴ См., например: *Pederson E.* Language as context, language as means: Spatial cognition and habitual language use. Nijmegen, 1994. S. 4.

⁵ О двойственности значений наименований стран света у древних скандинавов и о возможных объяснениях см., например: *Подосинов А.В.* Указ. соч.; *Джэксон Т.Н.* К вопросу о специфике древнескандинавской ориентационной системы // Первые скандинавские чтения. СПб., 1997. С. 32–37.

⁶ Некоторые исследователи утверждали, что в Скандинавии север всегда воспринимается как нечто, располагающееся «внизу». В настоящее время это не так. Возможность «смены полюса» указываемыми наречиями А.В. Подосинов обосновывает тем, что у древних народов пространство не ассоциировалось с расположением стран на картах и, кроме того, когда появились первые карты, они не обязательно были северноориентированы (Указ. соч. С. 13).

⁷ *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996. С. 263.

⁸ Принятый в работах некоторых отечественных лингвистов термин «локум» нами не используется, поскольку эта латинская словоформа вошла в норвежский язык в другом значении с пейоративной окраской и вызывает ненужные ассоциации. Под функциональным пространственным ориентиром мы понимаем то же, что М.В. Всеволодова и Е.Ю. Владимирский называют локумом: «пространство или предмет, относительно которого определяется местонахождение предмета и характер их взаимоотношений» (Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982. С. 6).

⁹ Два описанных типа можно соотнести с так называемыми дальней и ближней ориентацией у древних исландцев (см.: *Подосинов А.В.* Указ. соч. С. 361).

¹⁰ *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира: (Модели пространства, времени и восприятия). М., 1994. С. 64.

¹¹ Подробнее о реализации пространственного речевого плана в тексте, а не в слове, см.: *Золотова Г.А.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. С. 428.

¹² Возможно, при истолковании подобных случаев полезно было бы обратиться к понятию «интенциональной доминанты», предложенному А.В. Бондарко (К проблеме интенциональности в грамматике // *Вопросы языкознания.* 1994. N 2. С. 34).

¹³ См.: *Кравченко А.В.* Указ. соч. С. 4.

¹⁴ *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Апресян Ю.Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 637.

¹⁵ Подробно об этом см.: *Апресян Ю.Д.* Указ соч. С. 644–648.

¹⁶ *Яковлева Е.С.* Указ. соч. С. 64.

¹⁷ См., например: *Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М, 1982. С. 6.

¹⁸ Там же. С. 61.

¹⁹ *Извлечения* из электронной переписки А.Д. Кошелева и И.А. Мельчука // *Московский лингвистический альманах.* 1996. Вып. 1. С. 196.

²⁰ *Яковлева Е.С.* Указ. соч. С. 31.

²¹ *Hoem I.* A sense of Place: The Politics of Identity and Representation: Thesis Presented in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor Artium, University of Oslo, Department of Linguistics, Faculty of Arts. September 1995. S. 164–179.

Источники и их сокращения

- DB - Dagbladet. 3.05.1998.
DSA - Solstad Dag. Professor Andersens natt. Oslo, 1996.
DSF - Solstad Dag. Forsøk på å beskrive det ugjennomtrengelige. Oslo, 1989.
FN - информант Финн Нильсен
HH - Sveen K. Hannas hus. Oslo, 1991.
HJ - Hjemmet. 1998. N. 39.
KFB - Faldbakken K. Bad boy. Oslo, 1990.
KG - Kjelland A. Gift // Samlede verker. Bd 2. Oslo, 1941.
KK 7 - Kvinner og klær. 1999. N 7.
KK 20 - Kvinner og klær. 1998. N 20.
KK 44 - Kvinner og klær. 1998. N 44.
LL - Småge K. Lex love. Oslo, 1991.
MB - Morgenbladet. 5.02.1999.
NEO - Kirkeby W.A. Norsk-Engelsk ordbok. Oslo, 1986.
NR - Norsk Riksmålsordbok. Bd 3. Oslo, 1983.
SNO - Store norske ordbok. Oslo, 1991.
TB - информант Турюн Бернтсен.

A.N. Livanova

Om noen sekundære funksjoner av termer for vertikalstedfesting (på basis av norsk)

Artikkelen handler om noen sekundære funksjoner som har utviklet seg hos en del uttrykk hvis opprinnelige innhold består i å beskrive vertikalstedfesting. Det viser seg at innenfor norsk koeksisterer de forskjellige systemer når det gjelder tre geografiske domener: makrogeografi (stedfesting av landsdelene i Norge, og stedfesting av land utenfor det), mikrogeografi (stedfesting

i byer og tettsteder) og beliggenhet av objekter inne i hus og like ved. Det som skiller norsk fra de fleste kjente språk er at termene for vertikalstedfesting fungerer innen hver av domeneene, men får forskjellig betydning der. Samtidig kan de tjene som indikator på at objektet innlemmes i utelukkes fra den talende personens private rom.

М.К. Ершова

**ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ
СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ
SKULLE + ИНФИНИТИВ II
В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ**

В настоящее время вопрос о статусе сослагательного наклонения в современном шведском языке является одним из дискуссионных и привлекает особое внимание шведских лингвистов.¹ Однако в силу существующей в шведском языке грамматической традиции без внимания остаются аналитические формы сослагательного наклонения, в частности, *skulle I* и *skulle II*.²

В шведской грамматической традиции в категорию сослагательного наклонения (*konjunktiv*) включаются лишь флективные формы, такие как пресенс конъюнктив (*presens konjunktiv*) и претерит, или имперфект, конъюнктив (*preteritum eller imperfektum konjunktiv*). Что касается сочетаний *skulle* + инфинитив I и *skulle* + инфинитив II, то одни шведские грамматисты называют их «описательными оборотами со *skulle*» (“*omskrivningar med skulle*”) и не относят эти конструкции к категории сослагательного наклонения,³ другие же – называют данные сочетания со *skulle* «кондиционалисом» (условным наклонением) (“*konditionalis*”), что объясняется их употреблением в нереальных условных предложениях.⁴

Однако значение проблематичного предположения, присущее *skulle I* и *skulle II*, является в то же время типичным грамматическим значением сослагательного наклонения. В связи с этим представляется закономерным и логичным причислять данные конструкции со *skulle* к категории сослагательного наклонения. Поэтому мы рассматривали *skulle II*, исходя из грамматической традиции, существующей в русской скандинавистике. В частности, эта традиция представлена в теоретических работах по грамматике С.С. Масловой-Лашанской (на материале шведско-